Г.А.Николаев
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Методические идеи И.А.Бодуэна де Куртенэ

научная и вузовская методика, учебно-организационные идеи, Казанская лингвистическая школа

Наследие И.А.Бодуэна де Куртенэ включает методику научных исследований и методические принципы вузовского преподавания. Научная методика Бодуэна хорошо известна историкам науки: ее раскрыл и обосновал сам ученый в развернутой рецензии на работы В.А.Богородицкого «Лингвистические заметки и афоризмы», в девятом параграфе, озаглавленном «Казанская лингвистическая школа» [Бодуэн 1963, 2: 48-55]. Действительно, изложенные здесь идеи составляют научные принципы школы И.А.Бодуэна де Куртенэ. Остановимся на одном принципе, которого придерживался ученый. С нашей точки зрения, это главный принцип бодуэновской научной методики (он, к сожалению, не упомянут в названной рецензии): это требование рассматривать язык как постоянно функционирующий и *одновременно* постоянно развивающийся [Николаев 2001: 6].

Методические идеи И.А.Бодуэна де Куртенэ о вузовском преподавании не изложены в отдельной работе. Они «рассыпаны» в деловых бумагах и документах профессора, хранящихся в университетском архиве и ждущих своего изучения и опубликования. В настоящее время эти документы собраны и подготовлены к печати. Естественно, главной заботой профессора-языковеда было совершенствование преподавания лингвистических дисциплин. Однако отдельные предложения Бодуэна выходят за пределы узко специальных идей и касаются проблем российского университетского образования. Имеется в виду ряд документов, поднимающих вопрос о преобразованиях в структуре историко-филологического факультета Казанского университета, а именно о разделении историко-филологического факультета на отделения [ЦГА РТ, ф. 977, оп. ИФФ, 1876-77, д. 1070, лл. 1-10. См. также ф. 977, оп. Совет, 1880, д. 6712].

В этих документах И.А.Бодуэн де Куртенэ предложил разделить факультет на три отделения: 1) классической филологии; 2) русской и славянской филологии и 3) историческое отделение. Основная необходимость разделения заключается в большой перегруженности студентов (до 24 лекций в неделю), которым приходится слушать материал, напрямую не связанный с их специализацией. Бодуэн разрабатывает подробный проект разделения. Четырехлетнее обучение в университете

делится на два этапа. Два первые курса дают общее понятие о главных отделах факультетских наук (так сказать, предлагают общетеоретические дисциплины). 3-й и 4-й курсы посвящаются более специальному образованию студентов, а заодно подготовке их к выпускному экзамену за все 4 года и написанию годовых работ. Бодуэн считал, что его предложение заменить обязательное посещение всех без исключения лекций обязательной специализацией является более удобоисполнимым и подходящим к общему характеру русских университетов (л. 4).

Три года спустя, в 1880 году, Бодуэн выступает с новыми предложениями о разделении факультета. На первое место он выдвигает требование включить в число обязательных дисциплин на 1 и 2 курсах языковедение и дает убедительное обоснование этой идее. «Языковедение, – пишет он, – принадлежит к числу самых точных и вполне самостоятельных наук, изучаемых на историко-филологических факультетах. Оно находится в таком более или менее отношении к прочим предметам историко-филологического факультета, в каком на физико-математическом факультете находится математика к другим наукам этого факультета. Без знания оснований и метода языковедения нельзя теперь ни шагу сделать при изучении какого бы то ни было языка (в русских университетах, стало быть, прежде всего при изучении языков русского и прочих славянских, греческого и латинского). (В языковедении нуждаются. – *Г.Н.*) и историки, строящие разные теории норманнские и антинорманские на выводах из языковедения, но все-таки без знания и метода и материала этой науки. <…> Историк, ознакомленный с приемами языковедения, не станет выдумывать разные «теории» о происхождении народов и основывать эти теории на произвольных сближениях слов» (Дело 6712). И весьма эмоциональное заключение, похожее на заочную полемику с противниками этой идеи: «Впрочем, можно заметить, что наша задача состоит собственно в том, чтобы выпускать из университета не «общеобразованных» верхоглядов, но 1) порядочных учителей гимназии, а 2) людей, способных самостоятельно заниматься отдельными науками нашего факультета» (там же).

Очень значимыми для Казанского университета были учебно-организационные предложения И.А. Бодуэна де Куртенэ «об учреждении кафедры финско-тюркских наречий» [ЦГА РТ, ф. 977, ИФФ, д. 1249, 25 апреля1883 г.]. Открытие такой кафедры дало бы Казанскому университету «возможность стать во главе лингвистическо-этнографических исследований восточных областей России; <…> исключительные условия, в которые поставлен наш университет, как самый восточный и, вследствие этого, долженствующий служить посредником между русскою наукой и между образованностью инородческих племен тюркско-финской отрасли. И действительно, которому же из высших учебных за-

ведений России быть подобным посредником, если не Казанскому университету?»

Со своей стороны Бодуэн организовал изучение татарского языка среди своих учеников под руководством доктора-тюрколога В.В.Радлова. И В.А.Богородицкий настолько овладел татарским языком, что проводил по этому языку серьезные научные исследования.

Свои учебно-методические намерения И.А.Бодуэн де Куртенэ раскрывал уже в письмах, направленных им в Казанский университет при прохождении конкурса на университетскую вакансию. Так, в письме декану И.М.Добротворскому от 18 августа 1874 года он писал: «<…> я считаю долгом заявить, что в своих чтениях буду придерживаться преимущественно способа, <…> состоящего в том, чтобы не столько «читать» лекции, в строгом смысле этого слова, сколько по преимуществу заниматься непосредственно со студентами и с помощью соответствующих упражнений и задач обучать их сейчас же самому предмету. Таким образом гораздо легче усваиваются молодыми людьми основные начала такого рода науки, как языковедение, как-то знание звуковых законов и звуковых (фонетических) соответствий между родственными языками, ясное понимание происхождения и состава различных форм склонения и спряжения и вообще происхождения и состава слов и т.д. Что касается почвы, на которой намерен производить свои упражнения со студентами, то я в особенности буду сосредоточиваться на славянской и литовской семье ариоевропейских языков, тем не менее обращая постоянное внимание на языки санскритский, зендский, древнеперсидский, греческий, латинский и готский» [Письмо 1874]. Здесь изложена фактически квинтэссенция вузовской методики Бодуэна.

Интересно сопоставить облик преподавателя-лингвиста, отвечающего методическим представлениям Бодуэна, и его самого, сохранившийся в воспоминаниях студентов Казанского университета. По словам В.А.Богородицкого, «лекции Бодуэна де Куртенэ отличались от лекций других профессоров не только содержанием, именно тем, что Иван Александрович излагал самостоятельно им проработанное, но еще и внешне тем, что слушатели впервые видели профессора не сидящим за кафедрой и читающим свои лекции по тетради, а стоящим у доски с мелком в руке и живым словом разъясняющим предмет с выписыванием примеров на доске, и этот наглядный прием преподавания ученики его перенесли с собой как в среднюю, так и в высшую школу» (Цит. по [Корбут 1930, 2: 69-70]).

Расширенное содержание методических идей И.А.Бодуэна де Куртенэ мы находим в ряде учебных программ профессора, его годовых отчетов и других документов, хранящихся в архиве. Методические вопросы, отраженные в учебных программах, учитывают научные открытия их

автора и включают в свое содержание (например, понятие, фонемы, морфемы и др.) [Программа экзаменов по сравнительной грамматике индоевропейских языков в 1882-83 учебном году – ЦГА РТ, ф. 977, ИФФ, д. 1274, 15 апреля 1883 г.].

И.А.Бодуэну де Куртенэ принадлежит несколько методических замечаний по изучению иностранных языков. Он требовал от студентов, чтобы они, изучая иностранный язык, давали два перевода текста – дословный и русский литературный. Это очень прогрессивный способ овладения языком. К сожалению, он не имеет пока достойного применения в процессе изучения иностранного языка.

Активную позицию занял Бодуэн де Куртенэ по включению английского языка в университетские учебные планы. В Казанском университете преподавали два европейских языка – немецкий и французский. К английскому языку было пренебрежительное отношение, как к «языку шкиперов». Бодуэн придерживался другого мнения: «Да, – писал он, – может быть, кто-нибудь в самом деле считает английский язык предметом лишним в университете. Не знаю, как для других специальностей. Но, например, для человека, занимающегося серьезным исследованием глоттологических (лингвистических) и филологических вопросов, английский язык является необходимым средством, и его необходимость становится все более и более ощутительною. Смею думать, что и для математика, для естественника, для ученого медика и т.д. знание английского языка весьма желательно» [ЦГА РТ, д. 1134]. Ученый и здесь оказался прав.

Литература

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И.А.Бодуэн де Куртенэ. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2. С.48-55.

Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804-1929): в 2 т. / М.К.Корбут. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1930. Т. 2. С.69-70.

Николаев Г.А. Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ, 1845-1929 / Г.А.Николаев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 20 с.

Письмо декану И.М.Добротворскому 21 апреля1874 г. // ЦГА РТ, ф. 977, Историко-филологический факультет, дело 1000.

ЦГА РТ, фонд 977, Историко-филологический факультет, дело 1070.

ЦГА РТ фонд 977, ИФФ, дела 1080, 1274, 1249, 1274.

ЦГА РТ, ф.977, Совет, д. 6712.